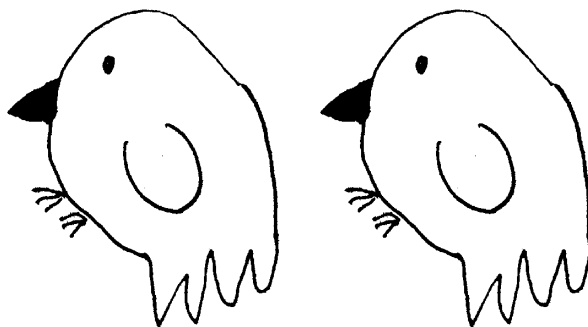

ОВСЯНКИ

н е я

2006

*

четыре месяца назад на птичьем рынке в костроме я купил овсянок. раньше я никогда их не видел там. ноябрь вытягивался за половину. шел снег – но реки еще не застыли. лимонно-серые – овсянки сердито смотрели на меня. продававший их дед уловив мой взгляд бесцветным голосом произнес: овсянки. покрутившись в раздумье по рядам с живностью – потолкавшись с веселыми и плачущими детьми, добродушными и нервными взрослыми – я подошел и попросил их. триста рублей за пару – единственную на рынке. взял зерновой смеси на пятьдесят рублей. купил за пятьсот овальную клетку – довольно большую. овсянки ведь – крупные дутыши. не зяблики, не чижи.

ехал домой в электричке. я не собирался покупать птиц. и в разукрашенной своей областной столице был совсем по другому поводу. было время – и некуда было пойти. а я люблю птичьи рынки. овсянки поманили меня. при том что я твердо знаю: ноябрь – месяц покупок. конец года – ярмарка чудес. когда нужно быть импульсивнее, решительнее. береты художников и колпаки магов падают на наши головы с первым снегом. лично я всегда с радостью подставляю свою. жду ноябрь с волнением.

я живу в нее. этот город из тех – о которых никто не думает. река нея – костромской лес. между вологодским и вятским лесами. нея впадает в унжу. правда есть железная ветка. сто лет назад здесь возник полустанок – названный городом в 1958-м. в полпути от неи до костромы – более примечательный галич мерьский на берегу галичского озера. севернее галича – чухломское озеро и город чухлома. прекрасные имена оставшиеся от мери – финского племени – лет четыреста назад как известно окончательно растворившегося среди славян. это – некогда их северная окраина. северные окраины всегда памятливей. тут многие мерей себя продолжают считать. мерянского конечно не знают. но иногда закрывают русскими кальками незабытые мерянские смыслы. от этого речь звучит характерно. ну например: разговаривают два старшекласника из шушкодома или из шарьи – наушники от плееров висят у них на воротниках: – у тебя есть веретеница?.. – нет.. – а настя?.. – настя не веретеница – просто веселая.. по всей видимости словом веретеница здесь называли возлюбленную. как оно звучало по-меря – сейчас никто не вспомнит.

народ странноват тут – да. лица невыразительные как сырые оладьи. волосы и глаза непонятного цвета. глубокие тихие души. половая распущенность. страсти не кипят. частые разводы, убийства и самоубийства не имеют видимых оснований. ласка всегда внезапна, исступленно-отчуждена.. все как в старинных книжках по финской этнографии! в этом углу много детских домов и коррекционных школ-интернатов – а памятников архитектуры почти нет. реки – узкие светлые – как бедра взрослеющих девочек – из звона насекомых и пиков крошечных птиц: вохтома – вига – унжа – векса – шача – мера – покша – нея – межа – меза – лух – кусь – вая – шуя – согожа – лежа..

лесопилки и целлюлоза. запах древесных внутренностей на тепловозный дым – вот формула хоть бы города неи. к приезжим здесь несколько недоверчивы – хоть и покажут что рады гостям. наши женщины стараются не уезжать отсюда замуж.

мужчины тем более живут где родились.
я и сам когда-то потерял веретеницу –
оттого что она хотела жить в петербурге.
мы учились там вместе в фотошколе.
она была местной – с обводного канала.
мы так плакали когда прощались..
мы – меряне – очень любим свои
безвестные поселки и города.

*

туда я и вез овсянок – в пустом вагоне.
когда сошел – была уже ночь. накрапывало.
темными тротуарами я дошел до подъезда.
разулся – включил в комнате свет. овсянки
дулись. не дуйтесь. – сказал я птицам.
овсянки от меня отвернулись. я налил им
воды в поилку. насыпал зерен. разделся и лег.

*

всю ночь я смотрел длинный фильм – с
названием 'узюк'. ударение на втором слогe.
он меня радовал – потом тревожил. но
проснуться не было сил. в фильме будто бы
я в составе большой и веселой группы
'лучших художников костромского края'
поехал в португалию на фестиваль. ехали
мы туда в приятном автобусе – кажется в
'неоплане'. ехали с остановками в разных
городах – разворачивали арт-площадки и
показывали каждый свое искусство. нас
кормили, поили, встречали музыкой – все
были очень нам рады. жарко дышало лето –
и девушки приходившие посмотреть на нас не
носили лифчики под майками. много
чудесных девчонок было и среди
участников. мы дружили, касались друг
друга, смеялись, покачивали головами,
жестикулировали. нам было свободно и
легко. мы двигались на запад – еще по
россии. пестрая граница лежала вся
впереди. на выезд из россии мы пошли не
через привычную смоленскую – а почему-то
через брянскую область. узковатыми
неровными пустыми – далеко не
федеральными трассами. белоруссия
украина и россия неясно соприкасались
здесь. мы не понимали в какого именно
соседа вот-вот заедем. на границе нас
пригласили с вещами в ангар – проходить
таможенный досмотр. мы шли туда уже в
сумерках. мне как всегда понадобилось в
туалет – он оказался тут же в ангаре – там я
и расположился, заполняя декларацию

заодно. неожиданно в ангар набежали какие-то люди – дети, взрослые, старики – похватили всех моих друзей и подруг вместе с пограничниками – и поволокли наружу. их человек двести – нас человек сорок. эти люди были какие-то нетеперьешние. цветасто-домотканные одежды. сероватые лица – из которых мне не запомнилось ни одно. бородатые мужчины, женщины в платках-надбровках. запах хлебного мякиша, пота и одежды сделанной из травы. я подумал: как какие-то скрытники-староверы ломоносовских времен – сжегшие себя в лесном скиту перед карательным отрядом из архангельска. неопасные – живые не вполне.. они тащили моих испуганных коллег – приговаривая ласково: на узюк.. на узюк.. голоса их были очень сухими. они в момент утащили всех. от фестивальной публики остались лишь приготовленные к досмотру сумки. декларации, паспорта.. я осторожно выбрался из туалета – вышел из ангара – и пошел по вечерней земле. две женщины несли в ближний поселок воду. я спросил их: что такое узюк? они ответили: многокилометровое болото – местами пригодное для жизни – на здешнем диалекте. я рассказал о товарищах – уволоченных только что на узюк. ну им не сделают ничего плохого. – сказали женщины. – узюковские просто любят гостей.. я не поверил лисам-водоносицам – и понял что мне предстоит выручать с узюка наших ‘лучших костромских художников’..

*

утром ходила милиция по квартирам – у соседнего дома убили мужчину – тыкала всем фотографию жертвы. я еще не чистил зубов – а мне уже показывают мертвеца на полароидном жутком снимке. ну вот – началась неделя.. огорченный я заправлял кровать. овсянки как будто мне говорили: и куда ты притащил нас, безмозглый аист?

аист – редкое имя. мерянское – ясно. нравится всем. мой папа был поэт из соседнего кологрива – печатался в газете ‘огни унжи’ под псевдонимом сергеев веса.

ко мне обращаются – аист всеволодович. мне только что за сорок. семьи нет. в течение жизни я разглядел только две

абсолютно внятные вещи – две лишь точки опоры среди мерцания и подвижности мира людей. одна из них – то что: девушка фатально меняется после первого полового акта с женщиной. и вторая: один человек всегда может испортить жизнь другому человеку – если задастся целью. его не остановишь ничем. опора не слишком прекрасная – но что делать?

я изжарил яичницу с ветчиной – чтобы стало на сердце теплее. любимыми с детства запахами я всегда вытесняю смуту из пространства вокруг себя. прожевал – прислушался – посмотрел на испуганно-надменных овсянок – и пошел на службу.

*

я работаю фотографом на нейском бумкомбинате. это в высшей степени странное призвание – но очень типичное для моей судьбы и окружающего меня родного пейзажа. фотографировать мне приходится не часто – при том должностная инструкция обязывает постоянно находиться под руками у директора, его замов, главного инженера, главного технолога. вот я и обитаю на комбинате шесть-восемь часов в день – пять (иногда и шесть) дней в неделю. обычно меня не треплют. полагаются на мою инициативу – что верно! но нет-нет да вспомнят – и требуют как на пожар. и я мчусь по лестницам, из корпуса в корпус.. у меня отдельная дверь – с надписью 'фотограф'.

я снимаю утренние планерки – и встречи с партнерами, служебные праздники, оборудование, образцы, бываю в командировках. я веду что-то вроде фотолетописи комбината. работа размыта – и – как туман – не ведает своего конца. я – колоритная личность. здесь трудится много женщин города ней и нейского района. все из них почти что со мной дружны. некоторые навещают меня в свои обеденные перерывы – и угощают фисташками с сельдью. они пускают меня и в душевые – и я делаю там невозможные снимки. самые лучшие висят в широких рамках в моей комнате-лаборатории. всяческое начальство ко мне бывает заходит – любит. говорит: эх – повесить бы на стендах в конторе! налицо и достойные

условия труда на комбинате – и красоты наших бумажниц-озорниц! так говорит – но вешать не решается. мне интересно – мне смешно. мне везде есть доступ. и слово ‘фотограф’ на моей двери – в атмосфере нашего предприятия – все равно что ‘кефалинийский птицегадатель’, ‘маньчжурский каллиграф’ или ‘измирский факир’.

*

на проходной комбината – милиционер зоя. нежная – как сестра. проходя я вложил ей мизинец в покрашенный рот. зоя его легонько погрызла – расстегнула замок у себя на брючках, метнула туда палец и достав мазнула мне нос. я кивнул ей – закрыв оба глаза. точно так же кивнула она. все это означало: как дела зюшка? все хорошо? рад тебе! ты умница! будем жить!.. – здравствуй аист! доброе утро! ты хороший! береги себя!..

*

первое что я сделал как только оказался у себя в комнате – включил ноутбук, залез на рамблер и набрал в строке поиска слово узюк. я успел прочитать что узюк – это войлочное покрытие купола казахской юрты. а в тувинской – маленькое пространство между изголовьем кровати хозяев и семейным ламаистским алтарем. судя по ссылкам – слово узюк входит в название многих саяно-алтайских рек и урочищ. да – география несколько не та.

строки про узюк я перебирал бы и дольше – но захрустел внутренний телефон: позвали в приемную к директору комбината – мирону алексеевичу козлову.

*

мирон алексеевич протянул мне руку – пригласительно поднял палец вверх – взял настойку ирги с подоконника – мы накинули куртки и поднялись на крышу. там удобно – винтовые офисные кресла в снегу и стол.. мы глотали настойку и глядели на ноябрьскую утреннюю нею. вот что я узнал: этой ночью умерла его жена – татьяна.

мирон алексеевич рассказал что она лежит сейчас дома – на боку на кровати – какой он

ее нашел. (спят они в разных комнатах). молодая – не исполнилось тридцати шести – а почему-то вдруг не проснулась. жаловалась временами на ‘нагревание сердца’ – под левой грудью делалось почти горячо. директор попросил меня помочь отвезти жену за мещерскую поросль – где они проводили медовый месяц – и там сжечь. мещерской порослью мы называем горбатов – ласковый городок на оке – в сорока километрах от нижнего новгорода.

мы с директором никогда специально не дружили. но хорошо, уважительно относимся друг к другу. конечно я знал его незаметную полноватую таню – добро здоровался с ней.. мирон алексеевич говорил что не хочет жену никому показывать – не повезет в морг. хочет все сделать вдвоем со мной. не хочет быть один. (детей у них нет). прямо сейчас поедем пожалуйста. – мирон алексеевич закончил.

нужно сказать – что здесь часто жгут потихому своих мертвых. и это правильно. кладбища у нас полупусты – там лежат в основном приезжие. в загсе потом верят на слово – и выдают свидетельство о смерти. потому что вот так вот лгать – например укрывая преступление – самый чудовищный проступок: лгун прикрывшийся похоронами мери очень скоро и мучительно умрет.

я кивнул – ну что ж. в этом деле действительно удобен один помощник. до сих пор я не жег никого – кроме своей матери с мертворожденной сестренкой ниной. (мама умерла когда родила ее почти). мы делали это вместе с отцом. я тогда был в четвертом классе. помню какие мы были невесомые, чинные. как нам вдвоем друг с другом было смертельно легко.

(а отца похоронили по-русски. у него была вторая жена – не из местных – и он попросил ее не огорчать.)

*

мы спустились в приемную. мирон алексеевич сделал несколько распоряжений – и сказал что едет на горбатовскую канатно-веревочную фабрику – улаживать проблемы с контрактами по бечеве. там

заночует и вернется завтра – видимо под конец рабочего дня. а может и послезавтра – если всплывут дела в нижнем. сказал что меня берет с собой. эти веревочники из горбатова хоть и давно работают с нами – но очень уж щепетильны – как в оборонном нии.

вышли на улицу. сели в директорский черный джип – мерседес-геленваген – и поехали за татьяной. сыпался мелкий, очень горячий снег.

*

козловы жили на выезде из нее – в двухэтажном коттедже. мы въехали за ворота. на подснеженных клумбах блистали неувядшие цветы. танюша лежала на боку в бледно-зеленом платье для сна – очень коротком – с тесемками на ключицах. приоткрытые рот и глаза. темновато-бордовые виски. мы перевернули ее на спину.

мертвого сразу нужно раздеть. ненадолго. чтобы его перестали бояться живые. чтобы нежностью обернулась тоска. мы стащили с татьяны платье – и стоя ее рассматривали. мирон алексеевич улыбнулся: моя милюська.. тая лежала не чужая, не страшная – а понятная и смешная. нам показалось даже что улыбкой стала фигура ее приоткрытого рта. платье надели обратно. но завернули до пупка подол.

мирон алексеевич достал откуда-то коробку из-под конфет и ножницы. в коробке лежали разноцветные мулине. отрезал шесть таких ниточек – каждая сантиметров в восемь – красную желтую зеленую коричневую серую и голубую. положил их на живот жены. мы сели от живота по обе стороны – и стали привязывать ниточки на женские волосы танюши. так всегда у нас украшают умершую – начиная с возраста когда волосы здесь уже растут. точно так же – как счастливую невесту украшают ее подружки в бане или в ванне – вечером перед свадьбой. вымоют. вытрут сухо. приготовят разноцветные нити. невеста ляжет или усядется. подружки вокруг нее столпятся. щекочат невесту. шутят. шумят. невеста иногда ойкает. иногда даже кричит – если подружки очень уж близкие, очень уж озорные.. завтрашняя жена – такой она и достанется мужу. вечером он снимет нитки с волос жены. завяжет в узелок

– и повесит на ольху. ниточек может быть много – до тридцати.

мы молчали – как тая. когда привязали все шесть – одернули платье – завернули ее в голубое одеяло с постели мирона алексеевича. вынесли из дома – положили на заднее сидение машины. невысокая тая вся уместилась там. мирон алексеевич сходил еще за подушкой – подложил ей под голову. лицо освободил. тая улыбалась.

завелись – поехали. тая сзади – мы впереди.

*

и тут я вспомнил про своих овсянок. меня не будет дома сутки – может быть и двое. кто же их накормит? и вообще мне смутно казалось что в нашу компанию их стоит взять. мирон алексеевич был не против. мы снова покрутились по нее – приехали на мою улицу. я вынес овсянок вместе с клеткой. корм не забыл. уселся в машину рядом с директором. клетку поставил на пол между ногами – зажал ее коленями.

*

мирон алексеевич не торопился. до города кадья мы ехали почти два часа. он то молчал – то рассказывал мне о жене разные эротические подробности. так у нас принято. не обязательно хоть и. рассказывать о любимом – пока тело его еще не сгорело – то что приличный человек никогда не скажет посторонним куда любимый жив. но над умершим можно – ведь лицо рассказчика от этого становится светлей.

каждый вид отношений между сжигающим и сжигаемым требуют своей темы. дети хоронят родителей – родители хоронят детей – внуки хоронят бабушку – сестра хоронит брата – супруг супруга.. – в каждом случае темы разговоров свои. эти разговоры называются дымом. иногда сжигающий так и спрашивает: можно дымить? ведь некоторые дыма не выносят. но обычно рядом со сжигающим не оказывается случайных ушей. и можно дымить без предупреждения – если уж эти уши согласились на похороны идти. и поэтому тоже – хоронят у нас не толпой, а один человек или

двое. никогда чтобы больше пяти.

помню как отец – пока мы везли мать и сестренку на моторной лодке из Кологрива (где тогда жили) к месту сожжения в поселок ужугу (в ужуге мать и отец родились – там и играли свадьбу) – рассказывал мне такое о матери и о себе, что я дышал еле-еле и чувствовал как поминутно становлюсь взрослым.

мама стала для меня гораздо любимей, роднее – после того как я, десятилетний сын, узнал как отец лишал ее невинности – во всех нежнейших подробностях. я слушал и слушал – смотрел на маму – усталую, ушедшую – и ничего не спрашивал у отца почти. точно так же слушал сейчас своего директора. так принято помощнику на мерянских похоронах.

*

– вы помните, аист всеволодович, как отмечали мое пятидесятилетие?.. (я помнил – это было в апреле – полгода назад. накрыли столы в комбинатской столовой. и тая там была тоже..) – я выпил вина и страшно захотел танюшу. я посмотрел на нее – и она поняла – но как обычно сказала глазами что неудобно, не стоит. я так расстроился – выпил еще бокал и пошел в уборную. у меня огорчительно заболел живот. я сидел на унитазе и плакал. танюша была очень славна – и холодна: не приставала ко мне – не вешалась – за руку никогда не брала сама.. я всегда думал: пускай. и сейчас так же думаю. я и пальцем не шевельнул чтобы что-то менять. все должно быть самопроизвольно.
..

– так-то если посмотреть – что только мы с ней не делали: вытирали попы друг другу – любовничали в подъездах как подлые дети – выражались во время любви.. все три отверстия у танюши были рабочие. и распечатал их именно я. но все всегда происходило исключительно по моей инициативе.
..

– я взял ее замуж в девятнадцать лет. она жила в вохме. была очень робкой.. стеснялась что не умеет краситься и интересную одежду носить.. но тая такая родная ведь!.. она меня *слушалась* – и только. я говорил: сними платье, сними трусы, вот так вот раздвинься, попробуй, проглоти.. встань здесь – и поводи бедрами..

..

*

овсянки ехали тихо – даже слишком. иногда – чтобы делалось им веселее – я ставил клетку на колени. она была большая – и загоразивала мне лобовое стекло. через клетку, через овсянок я смотрел на дорогу.

..

– мирон алексеевич, вы спали с ней вчера вечером? – нет. погладил живот – и ушел к себе.

..

*

у меня несахарный диабет – постоянно в туалет бегаю. вдобавок еще был взволнован. директор то и дело останавливал джип. я ставил овсянок на свое сидение – и выходил на дорогу. маневрировал чтобы все время к проносившимся мимо машинам стоять спиной. мирон алексеевич пока я бегал поворачивал голову в сторону улыбки жены.

*

давайте их выпустим? – сказал он мне после того как я в очередной раз вернулся в машину. – пусть едут с нами в салоне. и танюша очень любила птиц.. не держала дома – потому что не могла видеть их в клетках. я все думал – цаплю что ли ей подарить – чтобы свободно разгуливала. но цапля еще в коленку клюнет.. как представлю себе пробитую танину коленку.. я ответил: можно. но как-то неуверенно. вдруг будут гадить или замечутся.. овсянки – они пугливые какие-то. мирон алексеевич рассмеялся: так это у вас овсянки? никогда их не видел – но всегда это слово любил. овсянкина – танина девичья фамилия. тая овсянкина – из вохмы. в молодости я постоянно овсянкиной ее звал. или овсянкой. но имел ввиду кашу..

я тут же открыл дверцу клетки.

овсянки запрыгали осторожно. я думал: русские боги! неужели я купил их для того? – в погребальную свиту тани овсянкиной? посмотрим что дальше будет. приближалась волга с многострадальным, но таки достроенным мостом. заволжск – а напротив кинешма.

*

я хотел купить тани что-нибудь в кинешме. этот бодрый – набитый соборами город – с волжским бульваром и шныряющими по нему такси – под гул стареющих папаш-теплоходов – идущих как-будто с завода в рюмочную или из рюмочной на завод – имеет для нас очень грустный и нежный смысл. ну как париж – для европейцев обращенных к западу. по сути это наша поэтическая столица. мы принимаемся к кинешемскому воздуху – и чувствуем: бесконечно свое. катятся слезы нежности. по этому признаку в кинешме сразу видно мерян. мы даже называем себя в шутку кинешемскими ревами. но главный наш город – кочки. это ростов на озере неро. столица во всех прочих смыслах. мы не плачем – а ликуем там. судьба же города коноплянки нас искренне изумляет. мы за нее рады – и желаем ей не пропасть. хотя без надобности туда не ездим. нам весело на ее проспектах – на кольцевых развязках – и на эскалаторах в метро. электричка от кочек до коноплянки проходит 200 километров и прибывает на ярославский вокзал.

вытирая слезы мы ехали по кинешме. тани бы тоже плакала. овсянки смотрели то на нее то на нас. я попросил встать около магазина с игрушками на улице рылеевской. очень быстро я выбрал там маленького ежика на ремешке – как часы надевать на руку. ремешок и ежик были из какой-то каучуковой химии. полупрозрачные, бледно-зеленые – как танино ночное платье. если ежику нажать под живот – он должен был мерцать цветными огнями. я нажал – в животе у ежика запрыгал свет. но погас тут же. я нажал снова – не было мерцания. дайте я вам поменяю – он сломанный. – сказала продавщица. я остановил ее: нет-нет. это то

что нужно. не придется ломать самому.

*

юръевец мы прошли верхом. он желал нам счастливого пути. мы не видели, но прекрасно знали, что внизу за спусками – вереницы уютных домов, магазины с ивановскими и костромскими настойками, с продавщицами похожими на таню. против юръевца – устье нашей унжи. юръевецкая колокольня на площади как белый маяк. на таниной спрятанной под одеялом левой руке не мигал мой кинешемский ежик – хоть и был включен. овсянки ходили по тане – сидели около нее. геленваген был полон дыма – хоть никто из нас не курил.

..

– мы не раз ночевали в здешней гостинице. очень жаркие номера. да и вы наверное тоже? как-то были зимой, были молодые. танюша хотела помыться – но не было горячей воды. я сбегал за водкой – купил четыре бутылки. танюша разделась – а я ее водкой мыл – протирап гостиничными полотенцами. две бутылки на тело. третью на голову. а четвертую мы выпили потом. танюша закусывала угадайте чем? прямо мной. рюмку выпьет – я ей сразу же суну в губы. а потом уже с ложки салат дам какой-нибудь. танюша хохотала. сидели голые. она пила очень мало и редко. а тогда что-то мы разошлись.. эту водку проглотили минут в пятнадцать. потом нас тошнило. очень дешевая была – только для мытья и годилась..

..

*

желтый город пучеж трасса прошивает насквозь. мы остановились у хозяйственного магазина на центральной улице. мирон алексеевич купил там керосин – тридцать бутылок. вынес в четырех пакетах – положил сзади. почему-то не оказалось топорич – только вместе с самими топорами. мы решили взять их в балахне. темнело понемногу. темнели танины виски. овсянки трогали их клювами и пели: зинь-зинь-ци-и!..

мирону алексеевичу всю дорогу названивали на мобильный – в основном по различным служебным вопросам. и с комбината, и с вологды, и с коноплянки..

один раз позвонила даже танина мама. она пару раз набирала дочь – хотела спросить какую-то ерунду – а не сумела дозвониться. он ничего ей разумеется не сказал. после очередного такого вызова мирон алексеевич вспомнил как-будто что-то. поискал в телефоне – и протянул его мне. на экране стояла аудиозапись. мирон алексеевич предложил мне нажать на старт. уточнив как это сделать – я нажал на большую синюю кнопку. что-то невнятное раздалось. мирон алексеевич взял телефон у меня из рук – и прибавил громкость. из телефона шло какое-то хлопанье-хлюпанье.

– приложите к уху. приложите – так слышно лучше. это тая делает ртом. я всегда просил ее делать шумно. она долго стеснялась – и меня поругивала. но потом смирилась. так долго всегда это длилось. моя теплая.. мучительница моя..

мирон алексеевич прибавил скорость автомобиля. мне в ухо лились – нестерпимо громкие нестерпимо печальные звуки. запись закончилась. я запустил еще раз – и отложил телефон к лобовому стеклу. тянулся за окнами мокрый снег. работали фары и дворники. мирон алексеевич плакал. мне захотелось расцеловать его таню за такую старательную нежность. окрики овсянок вплетались в танину сочную музыку – льющуюся из мобильного.

снова и снова пуская ту запись – мы почти за час домчались до балахны.

*

здесь нам повезло с хозяйственным. мы купили около восьмидесяти топорниц – сколько в магазине было. черенков для лопат штук сорок. вечерние молочаи лежали впереди. мы рассчитывали частично их по окружной объехать. влетишь в молочаи через сормово – замучишься из них выбирать. тем более в час пик. молочаи – нижний новгород. город для утренних и дневных прогулок по ароматным пустым кафе – для уличных вечерних-ночных веселий. для того чтобы танцевать, глотая коньяк – сразу на всех его виадукках.

в геленвагене было темно. тикали наши птицы. я спросил у притихшего мирона алексеевича

помогал ли он танюше стричь ее мед и хлеб?
мирон алексеевич сразу же оживился.

– дорогой аист всеволодович! – да конечно!
только ноги танюше я уж старался не брить.
боялся поранить. ну а мед и хлеб – только
вместе всегда. или сам – или тая передо
мной. как и подмышки. вы заглянули таяе
подмышки? они у нее слегка заросли.
обычно к зиме я просил танюшу перестать
стричь волосы. и к новому году вся она
превращалась в наш лучший секрет.
скромная молодая красивая в красивой
одежде – а под одеждой такие букеты среди
сверкающей белизны.. травяные острова –
и я в них как утка. когда я снизу нырял в
танюшу – в островах под ключицами прятал
глаза: этой травой промакивал слезы.
тая думала что потеет. она меня тоже
любила – но тихо. обнимет за спину – целует
и не поет.. вы видели – таяны волосы
еще не успели как следует вырасти – ведь
до нового года больше чем месяц.
..

мы не материмся по-русски. это непрости-
тельно. и не помним собственных заветных
слов. но кто-то привез давно это слово –
манянь – от вологодских коми – из близкого
солнечного созвучного нам языка. оно очень
быстро распространилось среди мери. что
такое манянь – в коми знает каждый
ребенок – и частенько получает за него от
взрослых по губам. манянь – это слово-
женщина. это под животом. это там – где
волосы, на которые мы вяжем разноцвет-
ные нити – если женщина выходит замуж
или мертва. ма – это мед. нянь – это хлеб.
с коми перевод дословен. мы с
удовольствием восприняли – и говорим ‘мед
и хлеб’. можно ‘хлеб с медом’. очевидно
мерянское имя было близким по смыслу.

машины уже текли лентами. нами
езжены-переезжены эти дороги. но
видно мирон алексеевич был слишком
далек – где-то с живой танюшей. мы
не повернули вовремя вправо – и влетели
в молочаи – и увязли в них. нам по-
дружески замигали все их светофоры – и
теплые окна сормовских квартир, в которые
только что возвратились усталые люди.

*

я предложил – раз уж закрутились молочаями – не заехать ли в ‘мегу’? – купим там уголь для шашлыков. крюк сделаем незначительный. после мызинского моста проедем на федяково – а потом уж вернемся к оке и двинем на нужный нам богородск – на мещерскую поросль. мирон алексеевич радостно кивнул. березовый уголь лежал повсюду. но видимо хотелось ему как и мне попасть сейчас в гипермаркет – в его сияюще-леденящую атмосферу. там много женщин – и все живые. там много негреющих огней.

ползли в пробках – молчали – наконец подъехали – припарковались со стороны ‘оби’. я хотел было загнать дутых птиц в клетку. они не согласились. пусть. мы закутали голову танюши. спросив разрешения у мирона алексеевича – я насыпал полную горсть кормовой смеси – и ударил ей о потолок. зерна рассыпались по всей машине. вы ешьте – а мы пошли.

*

нам тут было довольно уютно – мы топали, топали.. прошагали всю ‘мегу’ насквозь. отвечали на взгляды консультанток – молодых и милых. поели икеавских сосисок – чтобы быстро покончить с голодом. сходили в туалет. повернули в обратный путь. я заметил черный телескоп в каком-то отделе – и подошел к нему. подплыла душистая девушка лет двадцати – и мне про него рассказала. я поблагодарил – она попрощалась. мы забрели в ‘оби’ – взяли тележку – отыскали уголь. положили четыре самых больших мешка. чуть постояли в кассу. расплатились. двинулись было вниз. но на травелаторе тележку спускать нам не дали. из-за выпущенной из рук такой же тележки здесь недавно оказывается погиб малыш. кое-как мы взвалили на плечи этот увесистый уголь – и пошагали к джипу.

*

за ольгино нас остановил дорожный патруль. сырая-тестяная физиономия в фуражке отсалютовала мирону алексеевичу. мы показали ей свои физиономии – примерно такие же. – откуда вы? – из нее.

– куда едете? – в мещерскую поросль.
– что везете? – веретеницу. она умерла.
тестяная физиономия отсалютовала еще раз – и скрылась. мы поехали. в молочаях и его ближайших окрестностях живет и работает очень много мери. дорожные инспекторы – так через одного они. медленно и верно меря поступает на эти должности. чтобы днями и ночами наши траурные машины беспрепятственно шли. на дорогах ивановской и костромской областей мерян с жезлами и в форме под восемьдесят пять процентов. да и оставшиеся пятнадцать про нас осведомлены.

*

после богородска мы не пошли той же трассой в привычную ворсму – а двинулись на мещерскую поросль узкими асфальтами сквозь вечерние села некогда шуклинской муромы. мы петляли – перепрыгивали невидимые реки – освещали фарами жидкие улицы – пьяных и псов на них. чуть не переехали упавшую под колеса бабулю. резко остановились – танюша от этого с сидений сползла. упала бы и вовсе – не дали красивые угольные мешки. они стояли тут же за спинками наших кресел – и заполняли пустоту, предназначенную ногам пассажиров сидящих позади. но все равно пришлось выходить – и поправлять татьяну. овсянки – пока мы прыгали ухабами – носились по салону как стрижи. это был последний участок нашей дороги. в девять вечера мы въехали в мещерскую поросль. город горбатов на оке. на гербе его цветет яблоня.

*

подъехали к фирменному магазинчику канатно–вервочной фабрики. он конечно же был закрыт. мирон алексеевич набрал по мобильному продавца сережу – и попросил его прийти. сережа пришел – и продал нам горбатовской веревки. принес ножи. сережа был мудрый. ему уже под семьдесят.

*

нельзя сжигать в темноте. ночевать в гостинице с таней – тоже. сережа не звал нас к себе – ведь мы бы не согласились. прокатившись через

горбатов – мы выехали к склонам у оки – встали на одном из них в покрывавшем вершину лесочке. будем ждать до утра.

*

мы слушали радио. нам хватило дневного дыма. мы уснули легко – и тая не снилась нам.

*

умывались – поливая друг другу из пластиковой бутылки – в половине пятого утра. зубная паста была в салоне у мирона алексеевича. и щетки – его и танина. он чистил таниной – а я пальцем. снег не падал – но местами тускнел. было темновато. мы сидели в машине. медовый месяц? – а почему здесь?

– ехать далеко не хотелось. оба мы школьниками не раз проплывали по оке. тая в эту реку тогда еще влюбилась – да и я всегда был и буду ей рад. сняли дом – и после свадьбы приехали. правда на неделю – а не на месяц. а мещерская поросль – так это ведь так красиво! удивительно хрупкий октябрь был.. в магазинах пустота – и на улицах. 1990-й. а у нас – припасы к свадьбе. тая девятнадцать. мне тридцать четыре. в неограниченном количестве мед и хлеб.

*

было мусорно – из-за овсянок. мы еще посидели так. овсянки меня не слушались – не хотели в клетку. охраняйте танюшу. – сказали мы им. и отправились готовить место.

мы нашли его быстро. и поляна вроде бы – и река видна. надо чтобы рядом была река. ведь она размывает и уносит горе. мы уцепимся глазами за нее.

мы вернулись – и вынесли в одеяле таню. оставили геленваген открытым. овсянки полетели – то следом то впереди. положили на север головой – к нашей нее. развернули одеяло. сходили несколько раз туда-сюда – прежде чем вынесли все необходимое. я резал веревки. мирон алексеевич чуть поодаль открывал керосин – бутылку к бутылке. черенками и топориками мы обвязали танюшу. она была очень сильно мертва. мы снова подняли ей платье –

бережно на живот. открыли украшенные женские волосы. поджигать будем именно здесь. под голову тание высыпали уголь. как валом огородили все тело ее углем. овсянки то взлетали – то садились на землю. они были рядом. мы взялись за керосин. первые две бутылки мирон алексеевич вылил прямо на танечкин мед и хлеб.

запах керосина самурайской саблей рубанул воздух и разорвал все наши связи с танюшей.

мы не встретимся. у мери нет богов – только любовь друг к другу.

*

таня козлова – в девичестве овсянкина – горела. скрипело – щелкало – пахло. овсянки вились близко – насколько могли. в этом гукающем полутреске мирон алексеевич снова запустил в мобильном запись живых танюшиных языка и губ. несмотря на поющий костер – мы отчетливо ее слышали. потом мирон алексеевич эту запись стер.

*

чтоб ничего почти не оставалось от костей – мы доплескивали керосин. досыпали уголь. сливали бензин из геленвагена. принесли забытую танину подушку – и сожгли тоже. подтаскивали заранее замеченные сырые упавшие ветви. они шипели и смешивали запахи. смотрели и смотрели на лежащую внизу оку – незастывшую нашу душу.

*

кости остались. хоть и еле-еле. мы все сделали грамотно – но они всегда остаются – если не строить над мертвым сруб. но сруба мы не могли себе позволить. жили бы если в лесной деревне – если бы там же и жгли – то да. а тут же кругом люди. нужно все делать быстро – пока например горбатовские замечательные дети не прибежали посмотреть что тут за костерок. и мы привыкли хладнокровно относиться к костям. хоть лучше конечно чтобы их не было – чтобы оставалось лишь темное на земле пятно. прах от татьяны вместе с головешками мы закатали палками в единственный несожженный из-под угля мешок. спустились вниз – и высыпали в

реку. отмылись от копоти заодно.

как и тогда с отцом – обратив маму и сестренку в теплый ветер на костре в ужуге – мы были с моим директором спокойными, усталыми, живыми.

вернувшись к месту сожжения – в тот самый мешок сложили пустые керосиновые бутылки.

я совсем забыл про овсянок. где они? впрочем ладно. летите в лес. живите теперь на воле. но овсянки оказались в джипе. я улыбнулся: умницы мои..

*

дымить теперь не было смысла. ведь дымом мы пропитались насквозь. впервые мы закурили. в горбатове отдали сереже ножи. в ближайший контейнер выбросили бутылки. поехали удобной дорогой на ворсму. мы были обессилены. голодны. сексуально напряжены. но нам было радостно. и да – легко смертельно. едем в молочаи! едем в молочаи! помоемся и отдохнем. не поедем сегодня в нею. в густых молочаях укроемся до следующего утра. гостиница 'волжский откос' с кусочком верхне-волжского бульвара – больше нам ничего не нужно. в радио пел таркан. самую известную песню. аламадан айрылык олмаз.. я подумал что он не турок – а только что сжегший свою веретеницу костромской меря. сказал об этом мирону алексеевичу – он с благодарностью улыбнулся мне. танцевали ноги и руки.

*

проехали богородск. кажется они очень умные. – сказал я об овсянках. – давайте попросим их о чем-нибудь? недолго думая – мы попросили у них бессмертия. бессмертием мы называем смерть от воды.

утонуть – мечта каждого мери. мы не верим в жизнь после смерти. и только утонувшие продолжают жить – в воде и вблизи от берега. только лучше тонуть в реке – чтобы не сидеть как скучный карп в глухом озере, а иметь возможность двигаться целым миром. вода – сама жизнь. и утонуть – значит в ней задохнуться: одновременно от радости нежности и тоски. утонувшего если

найдут – не сжигают – а привязывают груз и опускают обратно в воду. вода заменит его тело на новое, гибкое, способное к превращениям. только утонувшие могут встречаться друг с другом.

мой папа тоже мечтал утонуть. как-то даже продолбил лед пешней и спустил туда свою пишущую машинку – чтобы пользоваться ей потом. но так и не утонул – хоть и много раз окликал реку: купался в холод с болями в сердце – таскался выпивший на неокрепший лед. это нескромно – поэтому отец и умер непохожей смертью: нечаянно выпил суррогатный спирт. так жалко всем его было. нельзя утопиться. меряне не топятся. это нескромно. это по-русски чересчур. как мчаться в рай обгоняя всех. от русских святых катерин в волге не протолкнуться. чопорные дуры. река сама отберет для себя людей. вода – суд наивысший.

утонешь – так утонешь. станешь жителем берегов и воды. не утонешь – так будешь сожжен или закопан – и навсегда исчезнешь.

*

тихо-тихо в 'волжском откосе'. хоть и занято – как выяснилось – было почти все. мы заплатили за обычный двухместный. поднялись на третий этаж. прохлада этого просторного сталинского фрегата плывущего над далями подходила нам как никогда. после сожжения танюши овсянки сделались удивительно послушными. на заправочной станции перед молочаями дали посадить себя в клетку. пока мы заполняли анкеты в гостиничном холле – сидели как чучела – ни звуком не вызвали недовольство администраторов. и теперь мирно прыгали по полу клетки – в чистом номере на журнальном столе. мы заправили постели. вымылись. на втором этаже поели. вышли на бульвар – расстегнутые. прямо против гостиницы оперлись на парапет. почти зимняя волга врачует глаза. снова стало очень тепло – и немножко снежно. к нам подошли две девушки: вы нас не хотите? мы улыбнулись: как хорошо что вы есть. мы вас очень хотим. но давайте сначала купим вина в нормальном магазине.

мы сходили на алексеевскую – купили сурож и херес – розовый портвейн и кагор: каждому в руку по крымской бутылке – каждому по две! минеральной воды – мандаринов. против кремля за фонтаном в сквере взяли зачем-то еще шаурмы. девушек звали юля и римма. они были ничего. смеялись когда мы представились: мирон и аист.

*

в номере мы разделись – попросили раздеться девушек. было холодно – но выручало вино. мы еще на бульваре предложили подругам остаться на ночь. они были рады – ведь мы не стояли за ценой. когда вино перестало греть – мы накинули на плечи кроватьные покрывала и одеяла. время от времени мы расходились по комнатам. так принято после похорон. очень бывает нужно. в 'волжском откосе' просторные номера. любой обычный двухместный – значит всегда двухкомнатный. юля была постоянно со мной. она была из кстово. имела очень девичий мед и хлеб. покалывали волосики. она их утром подстригла. я представил как мы в это время в меццерской поросли льем керосин. мед и хлеб риммы пах на весь номер жасмином. она при нас поводила эфирной палочкой по блестящим волосам – щепоткой нависавшими над клитором. юля была тихая – а римма прыткая. увидев у мирона алексеевича обручальное кольцо на левой руке – римма спросила: жена умерла? мирон алексеевич кивнул: недавно. римма погладила грудью его ладонь.

мы смотрели телевизор – и спускались в ресторан ужинать. персонал неодобрительно поглядывал на нас. но мы были очень признательны римме и юле. это ведь тоже реки – женские живые тела. уносят горе – и утонуть в них можно. мы положили их спать на наши кровати – а сами улеглись на пол. они недоумевали и звали нас – но мы не шли. утром перед уходом девушек мирон алексеевич предложил им устроиться на бумкомбинат в нею. обещал жилье подыскать. юля взяла визитку – а римма нет. сказала что родилась в нижнем новгороде – и здесь сдохнет. сердито заплакала – но плакать умеют все.

*

до свидания – дымчатые молочаи! до новых хороших встреч. мы сдали номер. съехали к речному вокзалу. постояли у кнехтов. мирон алексеевич забросил в волгу обручальное кольцо. оно попрыгало по невидимому припаю – и скользнуло в воду. за ночь приморозило. на душе было невероятно светло. при этом невероятно грустно. но эта грусть не давила – а кутала нас как мать. целовала как веретеница кончиками невидимых лапок. мирону алексеевичу снова позвонили. из разговора я понял что надо торопиться на комбинат – а завтра с утра ехать в старые ульи – в ярославль – подписывать что-то. я спросил у директора: буду нужен? он ответил: нет аист – до конца недели отдыхай. порадуй своих овсянок.

*

до свидания сормово. если когда-нибудь я куплю в молочаях квартиру – то именно здесь – на северном выезде – в странноватом доме-волшебнике – трехэтажном, одно– или двух–. похожем на меня..

и тут я вспомнил что этой ночью на полу в 'волжском откосе' видел вторую серию фильма про узюк: я пришел на болото. костромские художники и узюковцы радостно пили и ели. если есть узюк – зачем нам португалия? – кричали наши девчонки – и обнимали узюковских малорослых кутанных девиц, с любопытством трогавших их пирсинг. я искренне за них порадовался. и сказал что сам тогда в португалию отправлюсь. надо же предупредить организаторов фестиваля что нас не будет. а потом уже к ним присоединюсь. все хлопали в ладоши и кричали мне в спину: привези вина – сколько дадут на таможне! португальского вина привези!..

*

радио пело. на этот раз мы спустились в юрьевец с трассы – проехали по советской улице от автостанции до начала дамбы. помахали маяку-колокольне. поели в 'молодежном' кафе. в магазинчике в конце улицы я купил ивановский бальзам 'шую'. мы въехали на дамбу.

я открыл бутылочку. подснеженный но
бесснежный позднеоябрьский юрвец
напоминал старинный китаи. царство у.
или шу. или вэй. прекрасно.

я тоже бывал здесь с женщинами. как-то
даже сразу с двумя. и сейчас я видел тот
дом – который мы целый летний месяц
тогда снимали. юрвец – это сочи и ялта
для мерян бассейна унжи. мы живем
севернее – вон там. все сюда едут.
вероятно потому – что унжа здесь заканчи-
вается и вливается в волгу – огромную
упругую как океан. а другие моря нам чужды.

мы молча перекачивали каждый свои
воспоминания – связанные с этим курортом
– любимым и цветным. жарким – веселым.
овсянки запикали в клетке. мы сели в
машину – и выпустили их. пусть спуют по
салону. на подъездах к кинешме мирон
алексеевич сказал: пропала моя танюша.

*

веса сергеев
декабрь
кологрив. 1976

- 1 мои обе таксы спят..
- 2 слышится – енот заплакал..
- 3 в кологриве ходят..
- 4 я с утра пошел в аптеку..
- 5 унжа-река..
- 6 я рисую на коре..
- 7 на двухъярусной кровати..
- 8 поселок ужуга
- 9 мексиканскую игрушку..
- 10 мы сидим в кафе 'гурман'..

1

мои обе таксы спят.
мягко уши их хрустят.
потому что эти уши
в кулаках моих лежат.

мне хороший снится сон.
дышат таксы с двух сторон.
не уронится кастрюля.
не пиликнет телефон.

рыбы смотрят на меня.
это середина дня.
в их аквариумах темных
лучшие мои моря.

куклы надо мной сидят.
камни разные молчат.
пусть живут на этих полках
миллионы лет подряд.

на меня глядят чижи,
фотография жены,
терракотовые воины,
керосинки в этажи.

из угла – велосипед,
под кроватью – пыльный дед,
жалюзи не пропускают
темно-темно-темный свет.

к декабрю растаял снег.
я красивый человек.

2

слышится – енот заплакал.
я скорей проснулся.
в лес большой и очень влажный
сразу потянулся.

бегал я в сырых деревьях,
наступал в болота,
страху своему не верил
– все искал енота.

(а енот что было сил
все вопил вопил вопил).

наконец-то я увидел
друга за корягой.
новой курткой зацепился
за нее бедняга.

капюшон порвал и больно
оцарапал спину.
да еще и погрузился
в грязь наполовину.

я его освободил.
только где взять нитки?

ну пойдём, енот, пойдём,
одолжим у ритки.

городок наш небольшой
– в середине леса.
всем известно где живёт
добрый дядя веса.

мы с енотом одолжили
нитки у соседки.
очень быстро все зашили.
сгрызли все конфетки.

втерли в спину гостя крем
чтобы уж не больно.
а потом енот ушел
– чиненный, довольный.

я со шкафа взял кларнет
встал с окошком рядом
и играл ему играл
проводя взглядом.

3

в кологриве ходят
kozy и козлята.
ходят также лоси
ходят их телята.

мальчики и девочки
ездят на мопедах.
а совсем уж малыши
на велосипедах.

а ужи с ужатами
дышат в каждой луже
а кроты с кротятами
с ними очень дружат.

все лесные звери здесь
в спячку не ложатся
а приходят в кологрив
чтобы наряжаться.

в детском саде им дадут
разные наряды.
все гуляют там и тут
все друг другу рады.

вот свистулька из ольхи
ну а вот из глины.
в кологриве с ноября
праздник долгий зимний.

я с утра пошел в аптеку
и купил мыльнянку там,
а еще сухой калины
и рябины килограмм.

топяную сушеницу
и конечно же чабрец,
кукурузных рыльцев ворох,
птичий горец наконец.

льнянку с листьями брусники,
почки молодой сосны,
мяты, пижмы, цвета липы,
и кукушечкины сны.

одуванчиковы корни,
можжевельника плоды,
и еще сто двадцать пачек
всяческой смешной травы.

все принес домой – и в баке
тут же вместе заварил.
просто очень захотелось
чтобы запах лета был.

унжа–река..
в ней раки и рыбы
носят знакомые имена:
аня и леша, паша и кира..
унжа-река..
унжа-река..

спит подо льдом
перловица татьяна.
окунь сережа не спит.
ты не глотай только
нашу мормышку
– сильно живот заболит.

скоро спущусь я к вам
вместе с кроватью,
шкафом и круглым столом.
будем гулять мы,
будем болтать мы
под удивительным льдом.

может быть умная
ильница ленка
сможет меня полюбить.
может быть старый

ручейник арсенка
станет со мною дружить.

унжа-река,
плавунцы, водомерки,
я похожу здесь пока:
в юрьеvec съезжу,
сдам столбик в газету..
жди меня, унжа-река..

6

я рисую на коре
старый город на реке.
на боку паромный катер
– на снегу как на песке.

рыбаки сидят на льду.
я рыбачить не иду.
я в окне – грибы с горохом
сыплю на сковороду.

а над крышами летят
пеликаны – и урчат.
их пустил гулять наверно
вологодский зоосад.

лошадь на моей коре
на фасаде на гербе.
это здание музея
– там понравится тебе.

поползни пугают такс.
это кологривский загс –
в декабре здесь происходит
по четыре свадьбы в раз.

покупает санки дед.
драчуна ведут в пикет.
подарю кору полине
– ей сегодня тридцать лет.

7

на двухъярусной кровати
я всю жизнь мечтаю спать.
надо б съездить за ней в горький
или самому собрать.

а потом по настроенью
спать то сверху то внизу.
или позвонить сначала
в 'нашу мебель' в кострому?

28

нет – пожалуй лучше в киров.
я там в пятом классе был.
и кровать такую видел,
но отец мне не купил.

я бы мог на той кровати
делать массу чудных дел..

в нашем 'доме быта' кстати
тоже мебельный отдел!

позвонить туда – а лучше
влезть в пальто и догулять.
мне так много лет.
ну где ж ты,
двухэтажная кровать?

8

поселок ужуга!
рукой подать до кологрива.
на твоих улицах
так пусто и красиво.

я здесь родился.
никуда не делся дом.
здесь пилят лес.
нет ничего на слом.

зайду в столовую.
вдохну и выйду.
здесь целовал при всех
невесту-лиду.

нет не невесту –
ставшей только что жену..

кассир шевелит
книжкой тишину.

9

мексиканскую игрушку
мне прислал кубинский друг.
на башмак она похожа.
в ней вода рождает звук.

вся она – из грубой глины.
будто только что ее
откопал профессор длинный
и воскликнул: ой-ё-ё!!

в месте где как-будто пятка –
горловина для воды.
где носок – лицо девицы:
грустные его черты.

я не знал что с этим делать.
только друг мне написал,
чтоб налил я воду в деву,
и, смотря в глаза, качал.

осторожно пол-стакана
я налил воды, качнул.
дева тихо застонала.
(изумленно скрипнул стул.)

стонет тише, стонет горше,
стонет жалобно, светло..
я еще не сразу понял
как с подарком повезло!

из невидимых отверстий
в уголках огромных глаз
на живот мне льются слезы
хоть неси сейчас же таз.

с этой мексиканской девой
я часами напролет
с той поры сижу в кровати:
дева в тазик слезы льет.

слезы кончатся у девы
– я их подолью тотчас.
таз наполнится – я встану,
вылью воду в унитаз.

10

мы сидим в кафе 'гурман'.
весело и вкусно нам.
за окном автобус едет.
ходят люди по делам.
ну а наше дело – вот:
есть салат и пить компот.
а потом гулять по парку –
проводя этот год.

веса сергеев
(*сергеев всеволод степанович*)

слово нет – любимое слово мери. даже значение слова да мы нередко стараемся передать через нет. меня нет здесь уже четыре месяца. мы разбились с мироном алексеевичем на обратном пути. овсянки помогли нам в этом. бросились с поцелуями в глаза водителю. мы упали с кинешемского моста в великую мерянскую реку. она еще не успела тогда застыть. овсянки куда-то делись. возможно вернулись на птичий рынок. на какой только? мирон алексеевич сразу отправился искать татьяну – хоть прекрасно знает что это бесполезно. геленваген наш вытащили – а жаль. я с радостью жил бы в нем и дольше. тогда я решил немного пройтись. спустился до юрьевца – там повернул в унжу – поднялся в кологрив и отыскал заиленную пишущую машинку отца. зашел с ней в тихую реку нею против города неи – где был мой дом. до чего хорошо здесь. на рдестах-водорослях и боках мертвых рыб я отстучал эту книгу. а теперь начало весны. я вернулся под мост в кинешму. здесь теперь мое постоянное жительство. меряне утонувшие тому назад лет тысячу сказали мне что нея – значит овес. я расхохотался. я активно учу наш язык. и мирон алексеевич учит. он перебрался в оку – поселился за мещерской порослью. через рыбацкие лунки выбирается на танюшин холм. носит на поясе ее кости. кроме воды и любви друг к другу у мери ничего нет. река скоро вскроется. я дойду до коноплянки – и попробую пристроить написанное в какой-нибудь ее журнал.

казань